

ГРНТИ 10.27.01

УДК 34.05

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-3-26-33

О.Т. Алимов¹¹магистр юридических наук,

Директор юридического департамента АО «КБТУ»,

ORCID: 0009-0007-9464-4286, e-mail: lawyer_olzhas@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА КАЗАХСТАНА И КИТАЯ: ФОРМАЛЬНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу основополагающих принципов гражданского права Республики Казахстан и Китайской Народной Республики. В качестве предмета исследования выступают принципы равенства, свободы договора, неприкосновенности собственности, добросовестности и справедливости, а также принципы, отражающие национальную специфику правопорядков двух стран. Цель работы заключается в выявлении содержательных и функциональных различий указанных принципов при их формальном сходстве, обусловленном принадлежностью обеих систем к континентальной правовой традиции. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-юридический методы. В ходе анализа установлено, что гражданское право Казахстана, кодифицированное в период постсоветских реформ, реализует либерально-рыночную модель, в которой принципы выполняют гарантийную и ограничительную функции, защищая частную автономию. Гражданский кодекс КНР 2020 года, напротив, представляет собой правовой гибрид, инструментализирующий принципы частного права для достижения экономических и идеологических целей, заданных в рамках «социализма с китайской спецификой». Это проявляется в иерархии форм собственности, ограничении свободы договора категориями «публичного порядка» и «основных социалистических ценностей», а также социально ориентированном толковании принципа справедливости. Делается вывод о том, что формальная конвергенция правовых институтов сопровождается фундаментальной дивергенцией их содержания и функционального назначения, что отражает глубинные различия в политико-экономических моделях двух государств.

Ключевые слова: гражданское право, принципы, Казахстан, Китай, сравнительный анализ, дивергенция.

Введение

Основополагающие принципы гражданского права представляют собой нормативно-ценностный фундамент системы частноправовых отношений. Выполняя дуалистическую функцию, они, с одной стороны, устанавливают генеральные правила поведения для участников гражданского оборота, а с другой – аккумулируют глубинные ценностные ориентиры правовой системы, отражая политическую философию государства и избранную им экономическую модель. Анализ данных принципов позволяет выявить механизмы определения баланса между частными и публичными

интересами, а также пределы государственного вмешательства в сферу индивидуальной автономии.

В обозначенном контексте сравнительно-правовое исследование принципов гражданского законодательства Республики Казахстан (РК) и Китайской Народной Республики (КНР) представляет существенный научный интерес, поскольку открывает возможность для сопоставления двух различных траекторий правового развития в постсоциалистическом пространстве. Сам акт кодификации гражданского права, несмотря на его внешне технико-юридический характер, является событием политико-идеологическим, знаменующим

определенный этап государственного строительства. Принятие Гражданского кодекса в Казахстане (1994 г.)¹ и в Китае (2020 г.)², при внешнем сходстве шагов по формированию современных правовых рамок, было обусловлено принципиально различными целевыми установками. Если казахстанский кодекс выступил актом «большого взрыва» – создания рыночного правопорядка на фундаменте демонтированной советской системы, то китайский кодекс стал актом консолидации и унификации, призванным упорядочить и направить эволюцию уже сложившейся модели государственного капитализма.

Принятие Общей части Гражданского кодекса Республики Казахстан 27 декабря 1994 года (введен в действие 1 марта 1995 года) явилось поворотным моментом в правовой истории страны. Данный акт представлял собой не реформирование, а конструирование «с нуля» правовой основы для принципиально новой экономической реальности, возникшей после распада СССР. Его магистральной задачей стало регулирование товарно-денежных и иных имущественных отношений, базирующихся на равенстве участников, что составляло полную противоположность советской системе административно-командного управления. Принципы, закрепленные в статье 2 ГК РК, в частности «недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела» и «необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав», выступили прямой идеологической альтернативой плановой экономике и всеобъемлющему государственному контролю. Фундаментальной основой для имплементации данных принципов послужила Конституция Республики Казахстан 1995 года³. Статьи 13, 18 и 26 Конституции закрепили ключевые гарантии рыночной экономики: право на судебную защиту, право на неприкосновенность частной жизни и, что особенно значимо, право частной собственности, включая невозможность лишения имущества иначе как по решению суда. В условиях необходимости оперативного формирования рыночного законодательства разработчики казахстанского кодекса опирались на опыт романо-германской правовой традиции и передовые международные модели. Целью кодификации являлось

создание стабильных и предсказуемых «правил игры» для гражданского оборота, защита прав новых экономических субъектов и привлечение иностранных инвестиций.

Гражданский кодекс КНР, вступивший в силу 1 января 2021 года, стал первым в истории страны «полным гражданским кодексом» и важнейшей вехой в ее правовом развитии. В отличие от казахстанского аналога, его принятие не было реакцией на системный кризис, а явилось результатом длительного и прерывистого процесса кодификации, берущего начало в 1950-х годах и неоднократно приостанавливавшегося вследствие политико-идеологических колебаний. Исторически китайская правовая мысль испытала влияние германской модели, воспринятой через японское посредничество еще в период разработки проекта Гражданского кодекса династии Цин. Однако современный ГК КНР представляет собой не столько рецепцию зарубежного опыта, сколько продукт его глубокой адаптации к условиям «социализма с китайской спецификой» [1]. Его основная цель – унификация, систематизация и идеологическое осмысление уже существующего правового массива. Кодекс консолидировал девять ранее действовавших разрозненных законов, принятых на различных этапах экономических реформ. Данная унификация была направлена на повышение правовой определенности в условиях усложняющейся «социалистической рыночной экономики». Однако ключевое значение имеет то, что кодификация стала инструментом формального закрепления идеологических установок правящей партии. Статья 1 ГК КНР прямо указывает, что кодекс принят для «удовлетворения потребностей развития социализма с китайской спецификой» и продвижения «основных социалистических ценностей», что трансформирует его из сугубо юридического документа в акт политико-идеологического значения, закрепляющий модель, в которой рыночные механизмы подчинены государственному контролю и партийному руководству. Таким образом, если казахстанский кодекс был ориентирован на создание новой экономической реальности, то китайский – на кодификацию и управленческий контроль уже сложившейся системы.

Материалы и методы

Эмпирическую базу настоящего исследования составили нормативно-правовые акты, формирующие основу гражданского законодательства двух государств: Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть, 1994 г.) и Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (2020 г.). Дополнительным мате-

¹ Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года № 268-III «Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть)». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 09.05.2025).

² Гражданский кодекс Китайской Народной Республики от 28 мая 2020 года. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36417891&pos=8;97 (дата обращения: 09.05.2025).

³ Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года «Конституция Республики Казахстан». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 09.05.2025).

риалом послужили научные публикации, доктринальные комментарии и аналитические обзоры, посвященные как общим проблемам кодификации гражданского права, так и специфике правоприменительной практики в сравниваемых юрисдикциях.

Методологическая стратегия исследования базируется на комплексном применении общенаучных и специально-юридических методов познания, что обусловлено необходимостью многоаспектного анализа заявленной проблематики.

В качестве основного инструментария выступил сравнительно-правовой метод, применение которого позволило осуществить сопоставительный анализ нормативного содержания и функционального назначения ключевых институтов гражданского права двух стран. Данный метод был направлен на выявление как формальных сходств в законодательных формулировках, так и содержательных различий в правовом регулировании, обусловленных спецификой национальных право порядков.

Историко-правовой метод был задействован для исследования генезиса и эволюции гражданского законодательства в Казахстане и Китае. Его использование позволило реконструировать социально-экономические и политико-идеологические предпосылки принятия кодексов, а также выявить целевые установки законодателя на различных этапах правового развития.

Формально-юридический (догматический) метод применялся в процессе анализа текстов правовых норм. Посредством данного метода были исследованы понятийно-категориальный аппарат, структура правовых предписаний и приемы юридической техники, используемые для закрепления основополагающих принципов гражданского права.

Предметом непосредственного анализа выступила система фундаментальных принципов гражданского права. В качестве референтных единиц сравнения были избраны принципы равенства участников гражданского оборота, свободы договора, неприкосновенности собственности, добросовестности и справедливости, а также принципы, отражающие национальную специфику правовых систем (недопустимость произвольного вмешательства в частные дела — для РК; приоритет публичного порядка, защиты экологии и основных социалистических ценностей — для КНР). Критериями для сопоставления выступили нормативное закрепление принципов, их доктринальное толкование и выявляемые тенденции правоприменительной практики.

Результаты и обсуждения

Несмотря на различные исторические пути, и Казахстан, и Китай в своих гражданских кодексах закрепили ряд принципов, которые формально выглядят универсальными и свойственными большинству правовых систем континентального права. К ним относятся принципы равенства, свободы договора и неприкосновенности собственности. Однако сравнительный анализ показывает, что за этой формальной схожестью скрываются глубокие различия в их содержании, пределах и практическом применении, которые обусловлены фундаментальными расхождениями в политико-экономических системах двух стран.

Принцип равенства является краеугольным камнем частного права, предполагающим отсутствие априорной власти и подчинения между субъектами. В Казахстане этот принцип закреплён в статье 2 ГК РК как «равенство участников регулируемых им отношений» и находит свое подтверждение в статье 13 Конституции, которая гарантирует равенство всех перед законом и судом независимо от происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности и других обстоятельств. Это классическое либеральное понимание формально-юридического равенства, которое предоставляет всем субъектам одинаковые правовые возможности.

В Китае принцип равенства также провозглашен в статье 4 ГК КНР, которая гласит, что «правовой статус всех субъектов гражданского права в гражданской деятельности является равным». На первый взгляд, формулировки практически идентичны. Однако практическая реализация этого принципа в КНР сталкивается с рядом системных особенностей. Во-первых, это специфика «социалистической рыночной экономики», где де-факто существует иерархия форм собственности, а государственные предприятия пользуются значительными привилегиями и поддержкой, что ставит их в неравное положение с частным бизнесом. Во-вторых, это политическая система, в которой судебная власть не является полностью независимой и подчинена руководящей роли Коммунистической партии Китая, что создает потенциал для неравного применения права в зависимости от политической целесообразности.

Свобода договора, позволяющая субъектам самостоятельно решать, вступать ли в договорные отношения и на каких условиях, является двигателем рыночной экономики. В Казахстане этот принцип закреплён как один из фундаментальных в статье 2 и детализирован в статье 380 ГК РК. Норма гласит, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора, а понуждение к его заключению не

допускается, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом или добровольно принятым на себя обязательством. При этом подчеркивается, что свобода договора не является абсолютной и ограничивается императивными требованиями законодательства и публичным порядком.

В Китае аналогичный принцип сформулирован в статье 5 ГК КНР как «принцип добровольности» (自愿原则), согласно которому субъекты по своему усмотрению устанавливают, изменяют и прекращают гражданские правоотношения. Фундаментальное различие между двумя подходами заключается не в самом наличии ограничений, а в их характере и объеме. В Казахстане ограничения носят преимущественно формально-определенный, юридико-технический характер. В Китае же свобода договора системно ограничивается не только конкретными нормами закона, но и гораздо более широкими и гибкими категориями, которые дают государству и суду значительные дискреционные полномочия.

Статья 8 ГК КНР устанавливает, что гражданская деятельность не должна нарушать закон, а также «публичный порядок и добрые нравы» (公序良俗). Эта категория, заимствованная из континентального права, в китайском контексте наполняется специфическим содержанием [2]. Более того, статья 1 ГК КНР прямо подчиняет все гражданское законодательство цели продвижения «основных социалистических ценностей». Разъяснения Верховного народного суда КНР прямо предписывают судам учитывать эти ценности при оценке действительности договоров и толковании их условий. Это создает мощный канал для идеологически мотивированного вмешательства в договорные отношения. Любой договор, который, по мнению суда, противоречит этим ценностям или «добрым нравам», может быть признан недействительным, даже если он формально не нарушает ни одной конкретной статьи закона. Таким образом, в Китае свобода договора существует в рамках, заданных не только правом, но и официальной идеологией.

Защита права собственности является основой любой стабильной экономической системы. В этом вопросе правовые системы Казахстана и Китая демонстрируют наиболее фундаментальное расхождение, отражающее различие их экономических парадигм. В Казахстане принцип неприкосновенности собственности закреплен в статье 2 ГК РК и надежно защищен статьей 26 Конституции. Конституция прямо признает и гарантирует частную собственность, устанавливая, что никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда, а принудительное отчуждение

для государственных нужд возможно лишь в исключительных случаях и при условии равноценного возмещения. Вся система казахстанского гражданского права ориентирована на защиту именно частной собственности как двигателя рыночной экономики.

В Китае ГК КНР также провозглашает «правовую охрану имущественных прав» субъектов (статья 3) и содержит детальный раздел о вещных правах. Однако эта охрана осуществляется в рамках совершенно иной экономической модели – «социалистической рыночной экономики» с многоукладной структурой собственности. В этой системе наряду с частной собственностью существует и занимает доминирующее положение государственная и коллективная собственность. Согласно китайскому законодательству, ключевые активы, такие как земля (за исключением земли под зданиями), природные ресурсы (леса, горы, луга, недра), принадлежат государству или коллективам. Частные лица и компании могут получать лишь права пользования этими ресурсами (например, право землепользования на определенный срок) [3].

Следовательно, принцип «охраны имущественных прав» в Китае означает защиту прав субъектов в рамках иерархической системы, где права частных собственников признаются и защищаются, но они существуют в контексте верховенства публичной собственности. Это не защита частной собственности как абсолютной ценности, а защита прав в пределах, установленных государством для достижения своих экономических и социальных целей. Это различие в парадигмах имеет огромное практическое значение, определяя пределы прав частных лиц и объем полномочий государства по вмешательству в экономику.

Помимо универсальных принципов, гражданские кодексы Казахстана и Китая содержат положения, которые либо являются специфическими для каждой из систем, либо, будучи формально схожими, несут разную функциональную и идеологическую нагрузку. Анализ этих принципов позволяет еще глубже понять различия в правовых философиях двух стран. К таким принципам относятся, в первую очередь, принципы добросовестности и справедливости, а также принципы, отражающие ключевые национальные приоритеты.

Принципы добросовестности, разумности и справедливости служат в континентальном праве важными корректирующими механизмами, позволяющими судам предотвращать злоупотребление правом и восполнять пробелы в законодательстве. В Казахстане пункт 4 статьи 8 ГК РК устанавливает презумпцию: «добросовестность, разумность и справедли-

вость действий участников гражданских правоотношений предполагаются». В доктрине и судебной практике принцип добросовестности рассматривается как общеправовой, имеющий не только морально-этическое, но и прямое юридическое значение. Он служит пределом для судебного усмотрения и является инструментом для борьбы со злоупотреблением процессуальными правами, такими как затягивание процесса или предъявление необоснованных исков. Его основная функция — обеспечить честное и порядочное поведение сторон в рамках формализованных правовых процедур.

В Китае принципы справедливости (公正, gōngpíng yuánzé) и добросовестности (诚信, chéngshí xìnyòng yuánzé) закреплены как отдельные, самостоятельные основополагающие принципы в статьях 6 и 7 ГК КНР соответственно. Принцип добросовестности, заимствованный из германского и японского права, рассматривается как «королевская оговорка» китайского права, пронизывающая все стадии правоотношений. Однако в китайской судебной практике эти принципы, особенно принцип справедливости, приобретают более широкое и социально-ориентированное звучание [9].

Эмпирические исследования китайских судебных решений, особенно в сфере деликтного права, показывают, что суды часто используют принцип справедливости для достижения результатов, которые они считают социально желательными, даже если для этого нет строгих формальных оснований в законе. Например, в случаях причинения вреда суды могут возложить обязанность по выплате компенсации на стороны, которые юридически не виновны, но, по мнению суда, несут некую «этическую» или «моральную» ответственность. Это может быть организация, на территории которой произошел несчастный случай, или участники совместной деятельности, в ходе которой один из них пострадал. Суды «растягивают» закон, чтобы распределить убытки, смягчить страдания потерпевшего и сохранить социальную гармонию. Такой подход отражает более патерналистскую, общинную роль суда, который выступает не просто как беспристрастный арбитр, а как социальный менеджер. Это кардинально отличается от более формализованного подхода к правосудию в Казахстане, где возложение ответственности без вины возможно лишь в строго оговоренных законом случаях.

Специфические принципы, закрепленные в кодексах, наиболее ярко отражают национальные приоритеты и исторический контекст. В Казахстане к таким принципам можно отнести «недопустимость произвольного вмеша-

тельства кого-либо в частные дела» и вытекающий из доктрины принцип «защиты предпринимателей и потребителей». Эти положения являются прямой реакцией на советское прошлое с его тотальным государственным планированием и отсутствием частной инициативы. Они подчеркивают либеральную направленность экономических реформ и стремление государства создать благоприятный климат для развития рынка, где государство выступает в роли гаранта прав, а не всемогущего регулятора.

В Гражданском кодексе Китая, напротив, выделяются два других специфических принципа, отражающих современные вызовы и идеологические установки китайского государства. Во-первых, это «принцип охраны ресурсов и защиты экологии и окружающей среды» (статья 9 ГК КНР). Его включение в число основополагающих принципов является новеллой и прямым ответом на острейшие экологические проблемы, ставшие следствием десятилетий форсированного и не всегда экологически ответственного экономического роста. Кодекс содержит целый ряд конкретных норм, возлагающих на участников гражданского оборота обязанности по ресурсосбережению, предотвращению загрязнения и устанавливающих строгую ответственность за экологический вред.

Во-вторых, и это наиболее важное отличие, это «принцип соблюдения закона, публичного порядка и добрых нравов» (статья 8 ГК КНР). Как уже отмечалось, это положение служит главным каналом для инкорпорации в гражданское право «основных социалистических ценностей» (社会主义核心价值观). Этот набор из 12 ценностей, разделенных на национальные (прцветание, демократия, цивилизованность, гармония), социальные (свобода, равенство, справедливость, верховенство права) и индивидуальные (патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбие), не является просто политической декларацией. Это действующий правовой инструмент. Верховный народный суд КНР издал специальные разъяснения, обязывающие суды интегрировать эти ценности в судебные решения, особенно по делам, имеющим большой общественный резонанс⁸. Это означает, что принципы гражданского права в Китае активно инструментализированы для решения не только юридических, но и политических, социальных и идеологических задач, поставленных государством.

Различия в принципах гражданского права неизбежно ведут к формированию разных моделей взаимодействия государства и частных лиц, а также к разным подходам к судебному толкованию и правоприменению. В Казахстане выстраивается модель, основанная на разгра-

ничении публичной и частной сфер, в то время как в Китае наблюдается их целенаправленное слияние под эгидой государства.

Правовая система Казахстана, по крайней мере в своей доктринальной основе, стремится к реализации модели, основанной на принципе невмешательства государства в частные дела. В этой модели роль государства заключается в установлении четких и стабильных «правил игры» (законодательства), обеспечении их соблюдения и защите нарушенных прав через независимую судебную систему. Государство выступает в роли арбитра и гаранта, но не должно произвольно вмешиваться в хозяйственную деятельность частных субъектов. Эта модель соответствует классическим представлениям о правовом государстве и рыночной экономике.

В Китае реализуется принципиально иная модель. «Социалистическая рыночная экономика» по своей сути предполагает активную и доминирующую роль государства не только как регулятора, но и как крупнейшего собственника ключевых активов и стратегического планировщика. Гражданский кодекс и его принципы действуют в контексте, где государство осуществляет постоянный макроконтроль над распределением ресурсов и направлением экономического развития. Судебная система в КНР не обладает полной независимостью и рассматривается как часть единого аппарата государственной власти, действующего под руководством Коммунистической партии. Следовательно, пределы государственного вмешательства в гражданский оборот определяются не столько формальными правовыми нормами, сколько политической и экономической целесообразностью с точки зрения правящей партии.

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое исследование основополагающих принципов гражданского права Республики Казахстан и Китайской Народной Республики позволяет сформулировать ряд концептуальных выводов, имеющих значение для понимания векторов развития частноправовых систем в постсоциалистическом пространстве. Установлено, что при внешней схожести юридической терминологии и использовании институтов, восходящих к континентальной правовой традиции, системы частного права двух стран демонстрируют принципиальные различия, коренящиеся в их ценностных и функциональных парадигмах.

Гражданское право Казахстана, сформированное в ходе радикальных постсоветских

преобразований, последовательно реализует либерально-рыночную модель. Закрепленные в нем принципы – равенство участников оборота, свобода договора, неприкосновенность частной собственности и недопустимость произвольного вмешательства в частные дела – выполняют классическую для правового государства функцию. Они направлены на создание правовой среды, благоприятствующей развитию частной инициативы, и служат институциональными гарантами частной автономии, одновременно выступая в качестве ограничителей дискреционных полномочий государства в экономической сфере.

Гражданское право Китая, унифицированное в ГК КНР 2020 года, представляет собой уникальный правовой гибрид. Инкорпорируя универсальные формы частного права, китайский законодатель наполняет их специфическим содержанием, подчиненным стратегической цели построения «социалистической рыночной экономики» под эгидой правящей партии. Принципы китайского гражданского права носят ярко выраженный инструментальный характер: они выступают не столько средством защиты индивида от государства, сколько действенным инструментом в руках последнего для достижения приоритетных экономических, социальных и идеологических задач. Данный тезис находит эмпирическое подтверждение в иерархическом построении системы форм собственности с доминированием государственной, в широких и содержательно гибких ограничениях свободы договора посредством отсылки к категориям «публичного порядка» и «основных социалистических ценностей», а также в социально ориентированной судебной интерпретации принципа справедливости, допускающей отступление от формальной юридической определенности.

Таким образом, результаты исследования подтверждают исходную гипотезу: формальная конвергенция правовых институтов в Казахстане и Китае сопровождается фундаментальной дивергенцией их содержательного наполнения и функционального назначения. Если в казахстанской правовой системе принципы гражданского права выполняют преимущественно ограничительную (лимитирующую государственное вмешательство) и гарантийную (обеспечивающую защиту прав субъектов) функции, то в китайской системе на первый план выходят функции инструментальная (использование права как средства управления) и легитимирующая (обоснование сложившегося политико-экономического порядка посредством правовых форм). В последнем случае принципы интегрируют частноправовые отношения в общую систему государственного ад-

министрирования и идеологического контроля, предписывая участникам оборота модель поведения, согласующуюся с «основными социалистическими ценностями».

В перспективе можно прогнозировать сохранение и углубление выявленных различий. Эволюция гражданского права Казахстана, вероятно, будет сопряжена с дальнейшей интеграцией континентально-европейских стандартов, совершенствованием механизмов судебной защиты и укреплении гарантий прав участников рыночных отношений. В свою очередь, развитие китайской правовой системы,

по всей видимости, пойдет по пути укрепления модели «авторитарной законности», предполагающей как дальнейшую детализацию правовых норм, так и расширение сферы применения «основных социалистических ценностей» в судебной практике. Подобная траектория, обеспечивая высокую эффективность с точки зрения государственного управления, будет способствовать формированию еще более самобытной правовой системы КНР, анализ которой с позиций классических западных правовых доктрин потребует выработки нового методологического инструментария.

Список литературы

1. Дудин П.Н. Кодификация гражданского права в Китае: контуры регионального правового порядка // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15. №. 2. – С. 253-281.
2. Трошинский П.В. Кодификация гражданского законодательства Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. №. 2. – С. 56-68.
3. Чжихуа В. Революции и кодификация китайского гражданского законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9. – №. 3. – С. 422-432.

References

1. Dudin P.N. Kodifikatsiya grazhdanskogo prava v Kitaye: kontury regional'nogo pravoporyadka // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. – 2022. – T. 15. №. 2. – S. 253-281.
2. Troshchinskiy P.V. Kodifikatsiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Kitaya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2021. – T. 17. №. 2. – S. 56-68.
3. Chzhikhua V. Revolyutsii i kodifikatsiya kitayskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2018. – T. 9. – №. 3. – S. 422-432.

О.Т. Әлімов

заң ғылымдарының магистрі, «ҚБТУ» АҚ Заң департаментінің директоры,
ORCID: 0009-0007-9464-4286, e-mail: lawyer_olzhas@mail.ru

ПОСТСОЦИАЛИСТІК ДАМУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН МЕН ҚЫТАЙДЫҢ АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҒЫНЫҢ ПРИНЦИПТЕРІ: ФОРМАЛДЫ КОНВЕРГЕНЦИЯ ЖӘНЕ МАЗМҰНДЫҚ ДИВЕРГЕНЦИЯ

Аңдатпа

Мақала Қазақстан Республикасы мен Қытай Халық Республикасы азаматтық құқығының іргелі қағидаттарына салыстырмалы-құқықтық талдау жасауға арналған. Зерттеу нысаны ретінде теңдік, шарт еркіндігі, меншікке қол сұқпаушылық, адалдық пен әділеттілік қағидаттары, сондай-ақ екі мемлекеттің құқықтық тәртіптерінің ұлттық ерекшелігін бейнелейтін қағидаттар қарастырылды. Жұмыстың мақсаты – екі құқықтық жүйенің континенттік құқықтық дәстүрге жататындығына байланысты формалды ұқсастығына қарамастан, аталған қағидаттардың мазмұндық және функционалдық айырмашылықтарын айқындау. Зерттеудің әдіснамалық негізін салыстырмалы-құқықтық, тарихи-құқықтық және формальды-заңдық әдістер құрайды. Талдау барысында посткеңестік реформалар кезеңінде кодификацияланған Қазақстанның азаматтық құқығы либералдық-нарықтық модельді іске асыратыны анықталды, мұнда қағидаттар жеке автономияны қорғау мақсатында кепілдік және шектеуші функцияларды орындайды. Ал Қытай Халық Республикасының Азаматтық кодексі жеке құқық қағидаттарын «қытайлық ерекшелігі бар социализм» тұжырымдамасы шеңберінде айқындалған экономикалық және идеологиялық мақсаттарға қол жеткізу құралы ретінде пайдаланатын құқықтық гибрид болып табылады. Бұл меншік нысандарының иерархиясында, шарт еркіндігін «қоғамдық тәртіп» және «негізгі социалистік құндылықтар» санаттарымен шектеуде, сондай-ақ әділеттілік қағидатын әлеуметтік бағдарланған түсіндіруде көрініс табады. Қорытындыда құқықтық институттардың формалды конвергенциясы олардың мазмұны мен функционалдық мақсатының түбегейлі диверген-

циясымен қатар жүретіні туралы тұжырым жасалады, бұл екі мемлекеттің саяси-экономикалық модельдеріндегі терең айырмашылықтарды көрсетеді.

Түйінді сөздер: азаматтық құқық, қағидаттар, Қазақстан, Қытай, салыстырмалы талдау, дивергенция.

O.T. Alimov

Master of Laws, Director of the Legal Department of JSC KBTU,
ORCID: 0009-0007-9464-4286, e-mail: lawyer_olzhas@mail.ru

PRINCIPLES OF CIVIL LAW IN KAZAKHSTAN AND CHINA: FORMAL CONVERGENCE AND SUBSTANTIVE DIVERGENCE IN THE CONTEXT OF POST-SOCIALIST DEVELOPMENT

Abstract

Article provides a comparative legal analysis of the fundamental principles of civil law in the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China. The subject of the study includes the principles of equality, freedom of contract, inviolability of property, good faith, and justice, as well as principles reflecting the national specificities of the two legal systems. The purpose of the research is to identify substantive and functional differences in these principles despite their formal similarity, обусловленной принадлежностью обеих систем к континентальной правовой традиции. The methodological framework comprises comparative legal, historical legal, and formal doctrinal methods. The analysis demonstrates that Kazakhstan's civil law, codified during the post-Soviet reforms, embodies a liberal market-oriented model in which legal principles perform protective and limiting functions aimed at safeguarding private autonomy. By contrast, the Civil Code of the People's Republic of China represents a legal hybrid that instrumentalizes private law principles to achieve economic and ideological objectives articulated within the framework of "socialism with Chinese characteristics." This is manifested in the hierarchy of forms of ownership, the restriction of freedom of contract through the categories of "public order" and "core socialist values," and the socially oriented interpretation of the principle of justice. It is concluded that the formal convergence of legal institutions is accompanied by a fundamental divergence in their substantive content and functional purpose, reflecting profound differences in the political and economic models of the two states.

Keywords: civil law, principles, Kazakhstan, China, comparative analysis, divergence.